

Чмок – чмок – чмок – чмок! Чмок – чмок – чмок – чмок! Серёжка сладостно стонал и восторженно закатывал зарёванные от счастья глаза, испытывая ни с чем не сравнимое наслаждение. Ещё! Ещё сто! Ещё тысячу поцелуев!

Не боялся сойти с ума от кайфа – знал, что Госпожа, несмотря на всю его страсть, останется спокойной, равнодушной и насмешливой. Что по безграничной милости своей Она не позволит окончательно обезуметь презренному рабу и – к его огромному сожалению! – всегда вовремя остановит эту торжественную церемонию поклонения. И может быть, завтра и послезавтра вновь соблаговолит ниспослать ему такое же блаженство. Пусть ненадолго. Но за одну минуту такого несравненного удовольствия он, не задумываясь, отдал бы жизнь!

Плача от радости, тщательно покрывал поцелуями Её стопы, не пропуская ни миллиметра. Они всегда казались ему поразительно красивыми. Помнил каждую крохотную морщинку на них. Не мог надышаться их неповторимым ароматом, даже подолгу прижимаясь к ним всем лицом. А сколько раз пробовал их на вкус, со сладким трепетом «прогуливаясь» языком от пяток до ноготков! И никогда не мог до конца насладиться ими. Горько печалился, когда по прошествии получаса стопа Её Величества пинала его в нос или в щёку, отталкивая прочь, а властный бархатный голос заявлял:

– Довольно!

Но всё же понимал, что, вовремя не остановившись, может запросто сойти с ума. И был бесконечно благодарен Повелительнице, заблаговременно прекращающей его «богослужения» (впрочем, зачем в последнем слове кавычки – разве Она не Богиня, всемогущая и всемилостивая, карающая и ласкающая своего преданного фанатика?!)... Госпожа возлежала на роскошном, обитом пурпурным шёлком, диване – царственно – равнодушная, величественная, ослепительно прекрасная. Альые уста иногда расцветали в надменно – снисходительной улыбке, заставляя раба трепетать ещё сильнее и поклоняться ещё усерднее. Нежная, но сильная белая ручка поминутно поднимала со столика и плавно подносила ко рту бокал с красным вином. Сквозь длинный прозрачно – розовый пеньюар просвечивало белоснежное стройное тело. А эти изящные, аккуратные ступни, эти пальчики с ярко накрашенными узорчатыми ноготками наверное свели бы с ума любого скульптора. И ему, ничтожному, уже в который раз дарована небывалая честь – покрывать поцелуями эту неземную красоту!..

С приятнейшей дрожью во всём теле снова и снова вспоминал тот день – без сомнения, счастливейший день в его жизни!.. Мать, собираясь на работу, сидела за туалетным столиком и занималась утренним макияжем. А у него – каникулы! Можно подолгу спать, никуда не торопиться. А можно, неслышно поднявшись с постели, украдкой прокравшись на второй этаж их просторного коттеджа, любоваться сквозь приоткрытую дверь красавицей – мамой. Вот она, сидя у трюмо, причёсывает перед зеркалом пышные светло – русые локоны. Вот наносит то нальный крем на лоб, на носик, на щёчки, на подбородок. Подкрашивает губки розовой с блёстками помадой. Подойдя к огромному зеркалу платяного шкафа, примеряет новое выходное платье, так соблазнительно облегающее её идеальную фигуру, – длинное до пят, со смелым декольте, с завораживающим шлейфом сзади и умопомрачительным разрезом спереди, обнажающим во время ходьбы то одну, то другую стройную ножку.

Грациозно дефилирует в нём по огромной спальне. Подвешивает к ушкам серёжки. Надевает на шейку золотой кулон, а на запястье – золотой же браслетик. Унизывают нежные пальчики перстнями. Небрежно сбрасывает с ножек домашние сабо и обувает новенькие золотистые туфельки. Берёт с тумбочки лёгкий, почти невесомый мобильник. И мелодичным, но властным голосом приказывает:

– Через десять минут машину к воротам!

Снова окидывает себя в зеркале внимательным взглядом. И, почему – то забыв обуться, выходит за дверь, грациозно покачивая бёдрами.

Сирена её новенького седана, извещавшего об отъезде хозяйки, стала для него сигналом к действию. Оглянувшись на всякий случай по сторонам, он поспешил к маминой комнате. Зачем? Чтобы хоть частично, хоть на несколько минут воплотить в жизнь свою мечту! Вот она! Мамины домашние шлёпанцы (модные, усыпанные серебристыми блёстками) в спешке оставленные ею возле кресла и ещё хранящие тепло и аромат её восхитительных ножек! Дрожа от восторга и вожделения, Серёжка упал ниц перед ними. Вдохнул их удивительный запах. И прильнул к ним губами – почтительно и страстно. Какое счастье! Какое наслаждение!

Он уже давно испытывал особенные чувства к своей молодой (Она ведь забеременела ещё школьницей!) очаровательной мамочке, мысленно боготворил Её, но ещё ни разу не осмеливался открыто дать волю своим чувствам и мечтам.

И вот наконец решился! Чмок – чмок – чмок – чмок! Чмок – чмок – чмок – чмок! Осыпал горячими поцелуями эти прелестные туфельки, ничего не видя и не слыша вокруг себя. Да какое ему дело теперь до чего бы то ни было! Пусть хоть весь мир в тартарары провалится!.. И едва успев подумать об этом, ощущил на затылке нечто – не сказать, что тяжёлое, но очень сильное, неумолимо клоняющее его голову к самому полу! А несколько секунд спустя услышал мамин смех – мелодичный, весёлый и безжалостный!

Не видел, не мог видеть сейчас Её – как всегда обворожительно красивую, величественно восседающую в кресле, попирающую своей великолепной ножкой голову добровольно униженного сына. Только позже, спустя долгое время догадался, что Она не собиралась никуда уезжать. Что давно уже заметила и первой распознала его потаённую страсть. И предприняла эту нехитрую уловку, чтобы поймать с поличным чудака – сынка.

Но тогда он ещё не знал, чего ждать от Неё!

Похолодел и затрясся всем телом. Жуть какая! Что же теперь будет?!!

(Продолжение следует)